

Мои ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(из путевых заметок Лемюэля Гулливера)

ШТОРМ РАЗБИЛ МОЕ СУДНО, И МНЕ ПРИШЛОСЬ, ухватившись за обломок мачты, положиться на волю волн. Долго носило меня по бушующему океану, я страдал от голода, холода и жажды и очень опасался прожорливых акул, которые встречаются в этих широтах повсеместно. Все силы мои были исчерпаны, и сознание мутилось; но судьба была благосклонна ко мне: я не утонул, не умер от жажды и не попал в утробу акулы; на третий день вынесло меня на песчаный берег. Долго лежал я на песке, не в силах двинуться с места; я только и сумел, что перерезать ремень, которым привязал себя к мачте. К счастью, пришло время отлива, и море отступило от берега; иначе меня могло вновь смыть волной, и я наверное бы утонул.

Не знаю, сколько я так пролежал; вероятно, я был без сознания. Помню только, что через какое-то время возле моего лица оказались босые черные ноги. Я повернул голову и не сдержал стога: все тело мое болело, как избитое. Мышцы, одеревеневшие от отчаянного усилия удерживать бревно, протестовали...

На меня смотрело круглое черное лицо, вполне добродушное, хотя и слегка озадаченное. Впоследствии, обжившись на архипелаге Трокототту, я узнал, что аборигены никогда прежде не видели белого человека, и нашедший меня туземец не сразу решил, принадлежу ли я к людскому роду и можно ли ко мне прикасаться без опасных для себя последствий. Вдруг я – морское божество и обижусь на него, чем навлеку бедствия на него самого, всю семью, а то и всю деревню? Но, к счастью для меня, туземец по некотором размышлении все же счел меня человеком и позвал на подмогу односельчан. Меня перенесли в плетеную хижину, крытую банановыми листьями, и выхаживали столь нежно и заботливо, что до конца дней своих я буду вспоминать это простодушное дикое племя с благодарностью.

Я понемногу выздоравливал и очень подружился с островитянами. Объяснялись мы большей частью знаками, но постепенно я стал понимать отдельные слова, и мы часами беседовали с моим спасителем, отчаянно жестикулируя. Звали его Доддо, а племя его называлось ододо. Меня удивило, что в их языке нет других звуков, кроме О и Д; никогда прежде мне не

приходилось встречать подобного. Заинтересовавшись, я попытался составить словарик местного наречия. Каково же было мое изумление, когда оказалось, что при всей бедности фонетики, т.е. звукового устройства, некоторые по-разному звучащие слова означают в точности одно и то же! Размахивая руками и даже вспотев от усердия, Доддо втолковывал мне, что два слова значат одно и то же в следующих случаях. Если из слова выбросить сочетание ДО или ООДД, его значение не изменится; оно не изменится и в том случае, если в любое место слова добавить сочетание ОД. Это очень удобно для стихотворцев: слово всегда можно подогнать под нужный размер, удлинив или укоротив его, потому-то на острове оказалось очень развито ритуальное пение. Я объяснил, как устроен классический европейский сонет, и Доддо мгновенно сымпровизировал мне сонет на местном языке. Я ничего не понял, ибо для моего непривычного слуха это звучало как «ододо – додо – доодо» и так далее. В конце концов я оставил попытки разобраться в этом удивительном языке, так и не сумев выяснить, значат ли слова ОДД и ДОО одно и то же. Быть может, кто-нибудь из читателей моих заметок когда-нибудь разберется в этом вопросе...

Вы спросите, почему архипелаг называется Трокототту – ведь в этом слове есть и «т», и «р», и «у»? Разумеется, Доддо выговаривал это как Ддодододдо; но на соседних островах обитали племена с более богатой речью. Трокототту – так звучит имя архипелага на островах Ронго-Рунга, о которых я расскажу как-нибудь в другой раз.

Через некоторое время, когда я совсем оправился, Доддо взял меня с собой на ярмарку на соседний остров. Он назывался Икнатсо; как видите, там язык был несколько разнообразнее. Так что Доддо объяснялся с соседями при помощи жестов, как и со мной.

Жители острова пришли в восторг при виде моей белой кожи и светлых волос; каждый хотел меня потрогать. Остров был довольно велик, и далеко не все его обитатели были на ярмарке; но каждому хотелось, чтобы его родичи из дальних деревень посмотрели на такого удивительного человека. Поэтому местный вождь принялся упрашивать меня погостить на его острове – чтобы удовлетворить любопытство соплеменников. Не очень-то приятно осознавать себя таким ярмарочным уродцем, вроде бородатой дамы, на которую любуются

Рукопись обнаружила А. Котова

за деньги на английских ярмарках. Но вождь был так любезен и так меня уговаривал, что я согласился. Меня с великим почетом проводили в лучшую хижину местной столицы (деревушки в три десятка хижин), натащили целую гору местных плодов, вкуснее которых я не едал прежде, и даже предложили в жены местную первую красавицу. Но я отказался, будучи добропорядочным христианином, и объяснил, что в далекой Англии меня ждет семья, так что здесь я жениться никак не могу. Красавица огорчилась, но, к счастью, ненадолго. Еще до моего отъезда с Икнатсо она вышла замуж за сына вождя и, надеюсь, будет с ним счастлива.

Мне жилось сытно и привольно, но довольно скучно. Все мои обязанности сводились к тому, чтобы несколько часов в день сидеть на столичной площади под навесом, дабы туземцы, прибывавшие со всех концов острова, могли насмотреться на меня вволю. От нечего делать я стал изучать местный язык и обнаружил, что название острова и племени – Икнатсо – содержит все звуки, которые известны туземцам. В отличие от ододо, они умели писать, хотя весь их алфавит содержал лишь семь букв: И, А, С, Т, Н, О, К.

Я стал записывать слова местного языка; вождь заметил это и спросил, что я делаю. Я объяснил ему, что хочу составить словарь его племени. Вождь чрезвычайно заинтересовался и принялся расспрашивать меня, что же такое словари; разобравшись, он пришел в восторг и захотел иметь полный словарь языка икнатсо.

Наутро мне доставили стопку банановых листьев, нанизанных на стебель лианы – так здесь делают книги, – и острый шип колючего кустарника танкиос вместо пера. Курьер низко поклонился мне и пояснил, что это – для словаря.

Я выписал на первом листе подряд буквы И, К, Н, А, Т, С, О и принялся систематизировать слова.

Надо вам сказать, что в языке племени икнатсо любое сочетание всех этих букв – слово, а других слов нет. Так что словарь обещал быть не слишком большим. Из уважения к вождю я первым поставил слово Икнатсо и стал упорядочивать мой словарь в соответствии с именно таким порядком букв в алфавите.

Работа подвигалась медленно, ибо мне все время приходилось прерывать ее: то необходимо было мое присутствие на праздничном обеде – их давали по два-три в день, и все в мою честь; то жители какой-нибудь дальней деревни непременно хотели сплясать для меня и поднимали такой шум, что невозможно было сосредоточиться; то маленькие туземные ребята повисали на мне, дергая меня за волосы – каждый хотел во-

лосок на память, – и мне приходилось осторожно стряхивать их с себя, дабы не остаться лысым; словом, через неделю я добрался только до СКОАТНИ, что значит «доблестный воин, всегда попадающий в цель острым копьем».

Но тут работа моя оказалась прервана: с острова Перра-Терра приплыла пирога воинственных карабасов, и главный карабас по имени Бас потребовал от вождя икнатсо поделиться с соседями диковинкой, т.е. мной. Карабасы были раскрашены белыми и красными полосами, в носу у каждого красовалась куриная кость, в ушах висели разноцветные раковины, на руках и ногах звенели медные браслеты, и вооружены они были до зубов.

Вождь племени икнатсо обнял меня со слезами и объяснил, что ссориться с карабасами очень опасно, так что придется мне ехать на Перру-Терру. Больше всего его огорчало, что словарь остался незаконченным. Я, как мог, утешил его, объяснил еще раз принципы составления словарей и вручил ему книгу и шип со словами: «Не сомневаюсь, что столь мудрый вождь сам сможет завершить сей труд».

Тут карабасы потеряли терпение, подхватили меня за руки и за ноги и усадили в пирогу. Мы отчалили. Некоторое время я еще размышлял, какое слово должно идти за СКОАТНИ и каким словом закончится словарь, но тут поднялся ветер, пирогу начали швырять волны, и мне стало не до словарей. Ответы на эти вопросы я оставляю читателям; меня же ждал таинственный остров Перра-Терра...

Иллюстрация А. Родионой

